

Все рассмотренные метонимические модели принадлежат стандартным устойчивым переносам, таким как «вместилище → содержимое», «часть → целое», «предмет → место или функция предмета». Всего по данным толковых словарей и корпусов текстов были проанализированы 44 метонимических переноса в русском языке, 39 – в белорусском языке и 32 – в английском языке.

Все описанные выше метонимические модели являются продуктивными в русском, белорусском и английском языках, однако во всех трёх языках по данным толковых словарей и корпусов текстов наиболее продуктивной является модель «предмет быта → объём».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Языки русской культуры, 1995.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.НКРЯ/> (дата доступа: 08.07.2021).
3. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. URL: <http://bnkorporus.info> (дата доступа: 06.11.2020).
4. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 12.07.2021).

КАРТИНА ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ М. ПАВИЧА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

A PICTURE OF TIME IN M. PAVICH'S NOVELS IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM

А.Ю. Маслова¹⁾, А.С. Зоткина²⁾

A. Y. Maslova¹⁾, A.S. Zotkina²⁾

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

National Research Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia

e-mail: ¹⁾al_mas@mail.ru, ²⁾anastasya.zotckina1998@yandex.ru

В статье представлен фрагмент анализа сквозного образа времени и особенностей его репрезентации в романном творчестве М. Павича. Индивидуальная трактовка категории времени, присущая творчеству постмодернистов, у М. Павича складывается в последовательную концепцию представления времени как неделимой материи, функционирующей в сознании героев в виде метафорических образов.

The article presents a fragment of the end-to-end image of time analysis and the peculiarities of M. Pavich's novels representation. M. Pavich's individual

interpretation of the category of time inherent in the work of postmodernists forms a consistent concept of representing time as an indivisible matter functioning in the minds of heroes in the form of metaphorical images.

Ключевые слова: М. Павич; постмодернизм; категория; образ; время.

Keywords: M. Pavic; postmodernism; category; image; time.

Свои ответы на вопрос, что такое время, своеобразное представление времени и его восприятие предлагает эпоха постмодернизма. По словам Д.С. Лихачева, литература «становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения» [1, с. 245]. Нередко имплицитно присутствующая в произведении индивидуальная трактовка категории времени является особенностью творчества постмодернистов. Время, как отмечает Т.В. Федосова, перестает быть культурной категорией и становится категорией личностной (писатель воссоздает в своих текстах собственную картину времени [2]).

В связи с этим особый интерес представляет интерпретация данной категории М. Павичем. Будучи доктором философии, знатоком истории, блестящим филологом и автором интеллектуальной прозы, в своих текстах он размышляет над рядом философских проблем, развивая уже известные философские теории и формируя собственные концепции. Время относится к числу категорий, которым автор уделяет особое внимание. По мнению исследователей, именно с этой категорией предпочитал экспериментировать писатель. Думается, это не случайно, поскольку и решение М. Павича в пользу нелинейной интерактивной прозы обусловлено его восприятием времени.

В романах М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» [3], «Последняя любовь в Константинополе» [4], «Хазарский словарь» [5] время становится сюжетообразующей категорией, участником событий, разворачивающихся как в рамках отдельно взятой человеческой судьбы, так и в рамках истории. В «Хазарском словаре» показан период хазарской полемики (в VIII или в IX веке нашей эры). Исторический пласт повествования чередуется с описанием событий XX века (деятельность исследователей хазарского вопроса). В романе «Пейзаж, нарисованный чаем» переплетается время разделения монахов на общинников и одиночек и образования монастыря на Святой горе Афон с 90-ми годами XX столетия. Действия в романе «Последняя любовь в Константинополе» разворачиваются на фоне завоевательных походов французской армии во главе с Наполеоном Бонапартом.

Ещё Аристотель отмечал, что настоящее не является промежутком времени, оно лишь разделяет прошлое и будущее. Так и в романах М. Павича время представляет собой нечто единое, не делимое строго на прошлое, настоящее и будущее; между ними нет четких границ: одно

перетекает в другое. *Ибо нет резкой грани между прошлым, которое растет, поглощая настоящее, и будущим, которое, судя по всему, отнюдь не является неисчерпаемым и непрерывным, но с какого-то мгновения начинает уменьшаться и проявляться импульсами* [3, с. 11].

Нет упорядоченности и в течении месяцев: они не сменяются циклично, как это происходит в традиционном понимании, один месяц может длиться дольше, другие – наступать по несколько раз или не приходиться вообще: *Никогда еще октябрь не приходил так часто, как в этом году...* [3, с. 145] *То, что нам в октябре кажется мартом, на самом деле – январь* [3, с. 206]. *<...> шесть месяцев в году у них июнь, а декабрь едва заглядывает к ним в дом* [4, с. 86]. Так метафорично, через образ времени, писатель отражает душевное состояние героев, когда осень и зима – это воплощение тягостных чувств, увядания, печали, а весна и лето – беззаботности, пробуждения, расцвета.

Герои М. Павича обладают способностью проникать во время и путешествовать в нем, потому что в одном городе время истекает, а в другом оно только начинается [4, с. 11], *<...> человек может, путешествуя между этими городами, совершать движение во времени вперед и назад* [4, с. 38], так что в некоторой степени герои становятся независимыми от времени. Несмотря на фантастичность утверждаемого тезиса, обращение к временной характеристике имеет рациональное объяснение: перемещаясь между городами, находящимися в разных часовых поясах, человек будто путешествует во времени.

Течение времени непостоянно. Оно может проходить с разной скоростью: Годы словно дни, а месяцу конца нет [3, с. 36]. И время начало течь слишком медленно *<...>* [5, с. 158]. *<...>* в его снах время течет гораздо быстрее, чем наяву, так что каждую ночь он успевает прожить не меньше десяти лет [4, с. 25].

М. Павич описывает ощущения времени, свойственные каждому человеку. Время может течь с разной скоростью в зависимости от настроения человека, вида деятельности, возраста, от того, насколько ценно оно для нас («Счастливые часов не наблюдают»). Время может останавливаться и снова входить в привычный темп: *<...> настоящее – это остановившаяся часть времени* [3, с. 56]. *Наше теперь – это, по сути дела, остановившееся время* [3, с. 56]. Как утверждает один из героев, Маг, каждый человек имеет два прошлых, название которым «Замедление» и «Ход». «Замедление» с самого рождения человека растет вместе с ним и сопровождает его к смерти, а «Ход», наоборот, возвращает его к рождению [4].

С точки зрения М. Павича, течение времени не является однопавленным. *Ночь всегда возвращала его куда-то в прошлое, а дни тянули в противоположном направлении <...>* [4, с. 123].

В произведениях писателя будущее и прошлое взаимозависимы. Прошлое перестает быть постоянной величиной и изменяется под влиянием будущего: *<...> чем больше наступает будущее, тем сильнее изменяется прошлое, оно становится опаснее, оно непредсказуемо, как завтрашний день... [3].*

Время обратимо. Оно как течение главной реки хазар, потоки которой могут двигаться в противоположном направлении: *В его ночах время, как и у хазар, текло от конца к началу жизни и все истекло* [5, с. 203]. *Но и это еще было не все – один хазарский год тек из будущего в прошлое, а другой из прошлого в будущее. Реки назывались так же, как два хазарских времени года, так как хазары считали, что за период смены четырех времен года проходит не один год, а два, притом первый год течет в одном направлении, а второй в противоположном (таким же образом, как и их главная река)* [5, с.204]. Интересно, что в действительности, по мнению ученых, течение воды в одном русле реки может быть противоположным, являясь причиной водоворотов. Здесь мы наблюдаем переплетение реальности и ее метафорического отражения.

Житейская метафора времени как потока (река времени) является довольно распространенной в числе пяти метафор времени (метафоры прямой, потока, круга, цепи и зеркала), которые, как считает Л.В. Логунова, влияют на конкретные представления о нем [6]. Эта метафора предполагает и разную скорость, неравномерность течения, и неоднородность, когда происходит смешение временных промежутков. Посредством этой метафоры акцентируется «настоящее», что соответствует восприятию времени в ракурсе постмодернизма.

Не случайно метафорическое уподобление времени текущему потоку – образ воды в различных физических состояниях – постоянно возникает в произведениях писателя: *... когда ты наполнишься своими часами, как водой, ты захлебнешься, потому что в тебе для них уже не будет места <...>* [3, с. 173]. *А между тем капли времени не стряхнешь с лица рукавом, это ведь не капли дождя* [3, с. 14]. *Было ясно видно, что ее время льется, как дождь, а его падает, как снег* [5, с. 375] *...она, как в воду, погружена во время* [5, с. 348].

Вода, как и человек, наделяется способностью проживать свой век. Созвучными друг другу являются эпизоды в романах «Хазарский словарь» и «Пейзаж, нарисованный чаем»: *Колодец обвалился, – ответил ему отец, – ведь и колодцы, как и все живое, отживают свой век, а*

вода, как человек, может состариться и умереть [3, с. 126]. Сравним в «Хазарском словаре»: *И определенная ее часть (книги – прим. А.Ю. Маслова, А.С. Зоткина,) – в снах умерших людей, откуда, как из пересохших колодезев, нельзя извлечь ничего* [5, с. 134]. Интересно обратить внимание, что автор в обоих случаях упоминает колодец – место, как известно, имеющее глубокое сакральное значение. С одной стороны, это символ жизни как источник воды, с другой стороны, – символический вход в страну мертвых. Как отмечает Е.В. Голубева, «прослеживается явная сакрализация и почитание данного места в разных культурах», «это сакральный локус в общем пространстве, формирующем картину мира» [7, с. 222]. В сербской культуре этот образ также символичен. Например, в эпической песне «Смерть королевича Марка» переплетаются образы колодца как некоего временного портала, воды и смерти. Царевич наклоняется над колодцем и видит свое будущее, то есть свою смерть. Так, временные границы оказываются стертыми.

Наряду с масштабным представлением времени как потока можно выделить и опредмеченный образ времени. Время в романах М. Павича нередко заключено в формы конкретных предметов. Например, время – предмет торговли: *С каждого из нас взяли по одному апрельскому вторнику, да еще и по часу сдачи вернули...* [4, с. 85]; время – ткань: *К чему мне смотреть в чужой кусок времени только для того, чтобы увидеть, из чего это время сшито?* [4, с. 53]. Отметим, что еще в древнегреческой мифологии мойры – богини судьбы – ткнут нити времени и перерезают их.

Чаше других встречается образ узлов, с помощью которых герои измеряют время. Издавна узел является способом передачи информации, например, узелковое письмо, которое, по предположению ученых, могло существовать и у славян: *Недавно окрещенные монахи из славян имели обычай завязывать на волосах узелки – напоминание о дневных и ночных молитвах (узелки – символ времени)* [3, с. 55]. Символизируя время, узлы в романах М. Павича передают информацию о его ходе: *Отрезав очередную прядь, она завязывала на чулке узелок. Так она измеряла время* [3, с. 24]. В интерпретации писателем узла как символа времени можно усмотреть некую связь с магической символикой тибетского узла – узла вечности, узла бесконечности, – который олицетворяет переменчивый характер времени, непостоянство и взаимосвязь всех вещей в природе: *<...> время имеет узлы, «сердца лет», которые своими ударами поддерживают ритм времени, пространства и человеческих существ, а этим узлам соответствуют и узловые акты – действия, соответствующие времени* [5, с. 311].

Традиционен образ часов, ставших символом человеческой жизни: Он <...> начал стареть с каждым новым ударом, как часы [5, с. 15]. <...> время, которое, подобно второму сердцу, бьется в его кармане, перестанет отмерять часы ему в ущерб <...> [4, с. 164]. Представляется, что метафора время, которое бьется в его кармане носит «обратный» характер: обычно образ часов, которые, такая, отсчитывают мгновения человеческой жизни, метафорически воплощает время; здесь же, наоборот, время опредмечивается в часы, на что указывает локализация – в кармане, и читатель невольно начинает воспринимать течение времени через образ подразумеваемых часов.

В романах неоднократно встречается и образ остановившихся часов. Маленькая Витача удивляется тому, что бабка Иоланта носит на руке остановившиеся часы: *И правда, в овале остановившихся часов журчало давно прошедшее время <...>* [3, с. 69]. И если следовать логике писателя, для бабки Иоланты давно прошедшее время – это ее время, ее настоящее, ее жизнь. Вспомним: *Наше теперь – это, по сути дела, остановившееся время* [3, с. 56]. Не случайно в других произведениях автора читаем: *Даже остановившиеся часы иногда показывают время правильно* [4, с. 64] *Кто бы мог сказать, подумал я, что и его время заслуживает часов!* [5, с. 369]. Отметим, что в подобном акценте на настоящем заметна перекличка с другими выдающимися зарубежными и отечественными писателями: Дж. Фаулзом, Х.С. Борхесом, В. Пелевиным, что свидетельствует о значимости подобного восприятия времени в постмодернистской картине мира.

Другие выявленные образы и сравнения довольно неожиданны, однако у М. Павича они становятся частью волшебного мира, полного загадок и тайн, а поэтому перестают восприниматься как абсурдные: *Наколотый на свое время, как бабочка на булавку...* [3, с. 53]. *Под скорлупой этих яиц не золото, а время* [5, с. 119]. <...> *точно у него в утробе прошлое в будущее преворачивается* [4, с. 88].

Категория времени становится в творчестве М. Павича одной из основополагающих. В романах сербского писателя время представлено как подвижная относительная субстанция, которая может менять направление и скорость. Как правило, оно мыслится метафорическими образами: вода, узлы, часы и др. Время для М. Павича становится, с одной стороны, единым потоком, внутри которого существует человек. Этот поток можно измерить и сквозь него можно путешествовать. С другой стороны, время видится как конкретный предмет, осязаемый и доступный, изменение которого может происходить на глазах человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лихачёв Д.С. Поэтика художественного времени // Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
2. Федосова Т.В. Основные принципы философии постмодернизма и их воплощение в художественном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 3. С. 23-25.
3. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем: роман-кроссворд / пер. с серб. Н. Вагаповой, Р. Грецкой. СПб., 2016.
4. Павич М. Последняя любовь в Константинополе: Пособие по гаданию: роман / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб., 2017.
5. Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон в 1000 000 слов. Мужская версия / пер. с серб. Л. Савельевой. СПб., 2020.
6. Логунова Л.В. Время понятие или метафора? // Вест. Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2 (6). С. 61-70.
7. Голубева Е.В. Колодцы как сакральный пространственный локус // Молодой ученый. 2009. № 10 (10). С.222-225.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОНИМАХ

STYLISTIC ANALYSIS OF EXPRESSIVITY IN ENGLISH FILMONYMS

Е.Ф. Микулина

E.F. Mikulina

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: lena-mikulina@mail.ru

В статье рассматриваются способы выражения экспрессивности в фильмонимах англоязычного кинодискурса. Выделено активное использование сленга, устойчивых выражений, окказионализмов, игры слов, усилительных частиц. Наряду с ними отмечено использование стилистических приемов, таких как ассонанс, аллитерация, перифраз, антитеза, использование эпитетов и метафор, что придает фильмонам большую выразительность.

The article examines the ways of showing expressiveness in filmonyms of the English-language film discourse. The active use of slang, fixed expressions, occasionalisms, word play and intensifying particles is highlighted. Along with them, the use of stylistic devices, such as assonance, alliteration, paraphrase, antithesis, the use of epithets and metaphors, which gives greater expressiveness to filmonyms, is noted.